

Т.В.Ведерникова

РОМАН Л.Н.ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» В КРИТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ Н.Н.СТРАХОВА

Критический разбор Н.Н.Страхова «Войны и мира» сыграл значительную роль в научном постижении романа, определении его истинного смысла, жанровой тематики, а также авторской концепции произведения. И если Ап.Григорьев говорил в свое время, что творчество Толстого (до «Войны и мира») было явлением, «пропущенным критикой», то теперь Страхов доказывал, что и «Война и мир» есть явление, «пропущенное критикой». Первые статьи Страхова о романе появились в начале 1869г., когда многие оппоненты уже высказали свою точку зрения. Три статьи Страхова о «Войне и мире» образовали практически первую монографию о романе, трижды переиздававшуюся при жизни критика. В предисловии к отдельному изданию критических статей в 1885 году Страхов пишет: «Главный центр моей книги, от которого зависит наибольший ее вес, есть, конечно, Толстой. Тут помещены в полном составе статьи, которые могли бы подать мне повод к большой гордости. Задолго до нынешней славы Толстого (написано в 1885г.), до восторгов, вызванных его произведениями за границей и повторенных у нас, в то время, когда даже еще не была кончена „Война и мир“, я почувствовал великое значение этого писателя и старался объяснить его читателям»[4;III]. Еще раньше, в письме самому Толстому, Страхов назвал цикл своих статей «критической поэмой в четырех частях». По мнению самого критика, это есть лучшая его работа и лучшая оценка романа при жизни автора. Это признавал сам писатель, которого «радовали» статьи Страхова. Толстой всегда доверял эстетическому вкусу Страхова, не раз отмечая свое духовное сближение с критиком, называя его «единственным духовным другом». Известен факт абсолютного такого доверия Толстого в период переиздания романа «Война и мир», которым занимался Страхов. В письме к Страхову от 25 марта 1873г. Толстой разрешал ему «вымарывать» лишнее и «править» текст, как он посчитает нужным, чем критик никогда не злоупотреблял. И не в похвалах Толстому, высоких словах о романе здесь дело, а именно в объяснении и понимании.

Аспектный, направленный анализ сменяется в работах критика объективным, комплексным и многосторонним, многочисленные попытки «поправить» Толстого, направить его художественную мысль — желанием пройти вместе с автором по «бесконечному лабиринту сцеплений». Сильная сторона статей Страхова о «Войне и мире» состоит именно в том, что он судил о нем не по частям, а в целом. Поэтому он

выбрал верное направление в разборе романа. Кажущаяся эпизодичность пространного романа, с многочисленными и обширными философскими и историческими отступлениями, его нимало не смущала. Страхов доказывал, что можно и нужно исследовать художественную структуру толстовского повествования как нечто завершенное, органически целое, в котором нет ничего лишнего, случайного, незначительного. «Ведь гр. Л.Н.Толстой есть поэт в старинном и наилучшем смысле этого слова, — утверждал Страхов, поэтому в своем романе писатель не отступил от своего безмерно-широкого плана, не опустил ни одного существенного момента и довел, свой труд до конца без всякого признака изменения в тоне, взгляде и в приемах и силе творчества. Дело поистине изумительное»[4;349].

У Страхова была реальная и большая заслуга перед Толстым и русской литературой, состоявшая в том, что он громко, во всеуслышание заявил в ту пору, когда роман был еще не завершен и оценивался критикой чаще всего весьма сдержанно, а иногда и определенно отрицательно, что на глазах у современного читателя возникает одно из величайших произведений русского национального искусства. «С появлением “Войны и мира” невольно чувствуется и сознается, что русская литература может причислить еще одного к числу своих великих писателей»[4;385]. К этому Страхов еще добавил: «Кто умеет ценить высокие и строгие радости духа, кто благоговеет перед гениальностью и любит освежать и укреплять свою душу созерцанием ее произведений, тот пусть порадуется, что живет в настоящее время»[4;339]. А, ведь, следует отметить, что выход первых трех томов «Войны и мира» вызвал настоящий критический взрыв: десятки отзывов появились в газетах и журналах.

Более того, среди сумятицы литературных мнений и ошибок, Страхов утверждал непреходящую ценность романа и предсказывал ему мировое значение. «Всмотритесь, вчитайтесь, попробуйте обозреть весь рассказ, как одно целое, — впечатление будет усиливаться и возрастать по мере вашего внимания и изучения. Какая громада и какая стройность! Ничего подобного не представляет нам ни одна литература! Со временем значение „Войны и мира“ перестанет быть вопросом, и это произведение займет в нашей литературе то незаменимое и единственное место»[4;343]. Все читательские качества этой книги, по мнению Страхова, исходят из могучего, наполненного жизненными соками реализма Толстого, из его вечного стремления к правде и художественному совершенству. «Гр. Л.Н. Толстой, — продолжает Страхов, — не старался увлечь читателей ни какими-нибудь запутанными и таинственными приключениями, ни описанием грязных и ужасных сцен, ни изображением страшных душевных мук, ни, наконец, какими-нибудь дерзкими и новыми тенденциями, — словом, ни одним из тех средств, которые дразнят мысль или воображение читателей, болезненно раздражают любопытство картинами неизведанной и неиспытанной жизни»[4;235]. Данное высказывание критика исподволь характеризует бульварную литературу всех

времен и народов, одновременно повышая уровень интереса к тому, что все-таки обеспечило успех этого масштабного художественного явления.

В романе Толстого наряду с другими вопросами решался вопрос о судьбах дворянской культуры, причем писатель иногда, становился на путь идеализации дворянской жизни.

Однако, Страхов отводит упреки в «элитарности» толстовской книги, которые делали самые разные критики: «Несмотря на то, что одно семейство — графское, а другое — княжеское, „Война и мир" не имеет и тени великосветского характера. Семья Ростовых и семья Болконских, по их внутренней жизни, по отношениям их членов, — суть такие же русские семьи, как и всякие другие»[4;329]. Одной из первостепенных идей, выделяемых критиком в романе, является «мысль семейная», по сути, православное соборное начало, противостоящее фальши светской жизни. С наибольшей полнотой оно проявляется в изображении прочных семейных кланов и армейской дружбы. Подробно рассматривая далее основных героев романа, Страхов отмечает достоверное сочетание светлых и темных сторон в каждом человеке: «Видеть то, что таится в душе человека под игрою страстей, под всеми формами себялюбия, своекорыстия, животных влечений, — вот на что великий мастер граф Л.Н.Толстой»[4;276]. «Перед нами нет ни классических злодеев, ни классических героев; душа человеческая является в чрезвычайном разнообразии типов; мы чувствуем присутствие каких-то твердых и незыблемых начал, на которых держится жизнь»[4;278].

Критик обращает внимание на способность Толстого к беспощадному анализу, так что «можно принять эту книгу за самое ярое обличение александровской эпохи». «Целью его была правда в изображении — неизменная верность действительности. Сущность русского реализма в искусстве никогда еще не обнаруживалась с такою ясностью и силою»[4;243], — констатирует Страхов, утверждая, что Толстой по преимуществу «реалист-психолог», что «художник ищет следов красоты души человеческой, ищет в каждом изображаемом лице той искры Божьей, в которой заключается человеческое достоинство личности и старается найти и определить, каким образом и в какой мере идеальные стремления человека осуществляются в действительной жизни»[4;240]. Ретроспективный взгляд на раннее творчество Толстого помогает Страхову понять, что именно благодаря глубокому и проникновенному анализу страстей, напряженности эмоционального мира, тяготению в изображении поэтических сторон жизни, вкусу к «вечным» вопросам бытия, писатель усовершенствовал приемы художественного изображения внутреннего мира человека, выросло мастерство психологического рисунка. И не события интересуют Толстого, продолжает критик, а, прежде всего, человек, который дает о себе знать в любом из множества толстовских персонажей. По убеждению Страхова, Толстой сформировался как писатель-реалист и оставался им в течение всего своего творческого пути. «Иллюзия» жизни в его произведениях основана, прежде всего, на неукоснительной правде его

изображений, на бытовых и психологических реалиях, на реалистическом способе типизации, на неприятии всяческих преувеличений и нарушений пропорций самой жизни.

Примечательным моментом критической истории «Войны и мира» является обилие профессиональных взглядов на толстовскую книгу. О Толстом в период 60-х годов неоднократно высказываются бывший министр народного просвещения А.С.Норов, поэт П.А.Вяземский, полковник А.Витмер, генерал М.Драгомиров, редактор «Военного сборника» Н.Лачинов. В центре споров оказался 4-й том (две первые части 3-го тома — в нынешней композиции), посвященный Бородинской битве.

Страхов отказывался видеть в «Войне и мире» обличительный роман. Прежде всего, он доказывал, что «Война и мир» не обличительное, а поэтическое произведение, полное созерцательности и идеальности. Подчеркивая беспристрастие и объективизм Толстого, критик не только указывает, но и одобряет у Толстого осуждение «своекорыстия, пустоты, фальшивости, разврата, глупости тогдашнего высшего круга», но, в то же время замечает, что автор романа «не хотел преувеличить ни темных, ни светлых сторон предметов». Ошибку критиков консервативных взглядов, ошибку Норова и Щербальского он видит в том, что они задали тон в трактовке книги Толстого в духе современной публицистики. «Следуя такому взгляду, — иронически пишет Страхов, — мы могли бы порадоваться появлению нового обличителя и сказать: гр. Л.Н.Толстой есть обличитель военных»[4;244]. Он решительно отделяет Толстого от Тургенева, Островского, Некрасова. Они — обличители и реалисты, а Толстой — реалист-психолог и поэт. «Реализм реализму рознь — пишет Страхов. — Гр. Л.Н.Толстой — не реалист обличитель. Все внимание его устремлено на душу человеческую»[4;258]. По утверждению критика, творчество писателя достигает своей высшей силы там, где оно касается вечных, непреходящих интересов возвышенного нравственного мира человеческой души.

«Идею „Войны и мира“, — считает Страхов, — можно сформулировать различным образом. Можно сказать, например, что руководящая мысль произведения есть идея героической жизни». Но героическая жизнь, — продолжает критик, — не исчерпывает собой задачи автора. Предмет его, очевидно, шире. Главная мысль, которою он руководствуется при изображении героических явлений, состоит в том, чтобы открыть их человеческую основу, показать в героях — людей»[4;258]. Так, в позитивном плане, сформулирован важный принцип толстовского подхода к истории: единство масштаба в изображении разных персонажей (то, чего, как мы помним, не принимал Анненков).

Вместо того чтобы доказывать и показывать, где писатель отступает от документов, а где достоверен (что и делали многие критики), Страхов

совершенно по-особому подходит Страхов к образу Наполеона, он убедительно демонстрирует, почему именно такой художественный образ французского полководца был нужен в «Войне и мире»: «Итак, в лице Наполеона художник как будто хотел представить нам душу человеческую в ее слепоте, хотел показать, что героическая жизнь может противоречить истинному человеческому достоинству, что добро, правда и красота могут быть гораздо доступнее людям простым и малым, чем иным великим героям. Простой человек, простая жизнь поставлены поэтом выше героизма — и по достоинству и по силе; ибо простые русские люди с такими сердцами, как у Николая Ростова, у Тимохина и Тушина, победили Наполеона и его великую армию»[4;357]. Отмечая в связи с военной тематикой героический характер романа, Страхов в то же время приходит к пониманию того, что героическое не преобладает в повествовании, «так как это не история подвигов и великих событий, а история людей, которые в них участвовали... более обширный предмет автора есть просто человек; люди, очевидно, интересуют автора совершенно независимо от их положения в обществе и тех великих или малых событий, которые с ними случаются»[4;358]. В «Войне и мире», — писал Страхов, — мы опять нашли свое героическое, и теперь его уже никто от нас не отнимет». Героика у Толстого освещена народным взглядом на жизнь и историю. Эти формулировки очень близки будущим словам Толстого о «мысли народной» как главной в «Войне и мире».

И именно Страхов был первым, кто высказался о «Войне и мире» как о народной книге. Критик обращает внимание на «идею народную», «охраняющую дух и строй самобытной, органически сложившейся жизни», противостоящую «космополитической идее» французов, действующих «во имя общих начал» чуждых, по мысли почвенника Страхова, русским традициям. Страхов сумел увидеть в романе самое широкое проявление народности. Его пониманию доступно самое основное в идейно-художественной концепции «Войны и мира»: стремление лучших людей из дворян погрузиться в бесхитростную жизнь простого народа, которая и есть, по мысли писателя, настоящая жизнь, основанная на естественных началах и потребностях. Интересная и глубокая, эта мысль Страхова не только вскрывает авторское понимание человека, но и объясняет тот читательский успех, который не был обусловлен ничем иным, кроме главной и неизменной потребности человека понять человека в себе самом.

Рассуждая о романе, о его героях, картинах и образах, Страхов определил его художественную доминанту, главную мысль, которая не измышлена критиком, а обнаружена им в тексте Толстого: «Нет величия там, где нет простоты, добра и правды»[4;352]. «Задача художника, — говорит Страхов, — состояла в том, чтобы изобразить истинное величие так, как он его понимает, и противопоставить его ложному величию, которое он отвергает. Толстой изображает в своем произведении идеал русских людей, который состоит в простоте, добре и правде»[4;352]. Общий смысл романа в итоге

анализа критик определяет как «веру в жизнь — признание за жизнью большего смысла, чем тот, какой способен уловить наш разум»[4;271], веру во внерациональные духовные ценности. Таким образом, Страхов первым в критике раскрыл смысл «Войны и мира» как героической эпопеи: «Художник дал нам новую русскую формулу героической жизни»[4;253]. Эта формула основана, согласно Страхову, на уяснении русского идеала, впервые после Пушкина так ясно себя заявившего,— духа, который сам Толстой формулировал как дух простоты, добра и правды.

Оригинально решает критик вопрос о философско-исторических взглядах Толстого. Он отмечает их силу и новизну, но, в то же время, относительную самостоятельность в структуре книги. В дилемме «мысли» и «образа» Страхов, как и многие современники, да и сегодняшние читатели, отдает предпочтение второму: «Итак, главной мысли „Войны и мира" нельзя искать в философских формулах гр. Толстого, а нужно искать в самой хронике, где жизнь истории изображена с такой изумительной полнотою, где для нашего сердца столько высоких откровений». Согласно высказываниям критика, каждое художественное произведение представляет отражение своего века и своего народа. Принцип национальности господствует в искусстве и в литературе, как и во всем остальном. Все явления литературы, по утверждению Страхова, имеют общий корень, представляют многообразные попытки выразить только одно — душевную сущность этого народа со всеми ее законами, требованиями и стремлениями. «Полная картина человеческой жизни. Полная картина тогдашней России. Полная картина того, что называется историей и борьбой народов. Полная картина всего, в чем люди полагают свое счастье и величие, свое горе и унижение. Вот что такое „Война и мир"»[4;348] — заключает критик.

Страхов определяет место этой книги в русской литературе и ее художественное своеобразие, что само по себе интересно, поскольку современная писателю критика и читатели недоумевали по поводу небывалого, не поддававшегося никакому определению на основе традиционных эстетических критериев оценки, явления, каким казался роман Толстого. В общей манере повествования, в нарочитом сочетании частной жизни и истории, причем история затронута постольку, поскольку исторические события соотносятся с жизнью простых людей. Более того, впервые в большой критике появляется определение жанра «Войны и мира», которое сегодня стало общепризнанным — эпопея: ««Огромная картина гр. Л.Н.Толстого есть достойное изображение русского народа. Это, действительно, неслыханное явление—эпопея в современных формах искусства» [4;361].

Думается, безошибочно увидены Страховым истоки художественной структуры «Войны и мира», а также закономерная связь между Пушкиным и Толстым. Обращение к Пушкину обосновано Страховым любовью к поэту и восхищением вслед за А.Григорьевым, утверждавшим, что «Пушкин — наше все». Страхов видел в Пушкине «начало всех начал». В истории русской литературы он отмечает две вершины: в первой половине XIX в. — это Пушкин,

во второй — Толстой. Именно эти писатели, с точки зрения критика, отразили в своем творчестве духовный мир русского человека с его национальными особенностями, укладом жизни русского общества. Как справедливо отметил Н.Н.Скатов: «В новой русской литературе Лев Толстой оказался для Страхова тем же явлением, что Пушкин в прошлой»[3;98]. В творчестве Толстого, как и в свое время в творчестве Пушкина, Страхов обнаружил могучую жизненную силу, которая свидетельствует, по его мнению, о глубоком здоровье русского народа. Тенденции этой силы Толстой уловил в произведениях Пушкина и дал им более глубокое психологическое развитие.

Страхов утверждает, что все тенденции Толстого в изображении национальной жизни и русского национального характера нашли развитие в многозвучном эпохальном романе «Война и мир». Этот роман, по наблюдениям критика, вобрал не только собственный предыдущий опыт писателя, но и достижения предшественников. И прежде всего — Пушкина.

Особое место в статьях о «Войне и мире» занимают рассуждения Страхова о сходстве романа с «Капитанской дочкой» Пушкина. «Есть в русской литературе классическое произведение, с которым „Война и мир” имеет больше сходства, чем с каким бы то ни было другим произведением. Это „Капитанская дочка” Пушкина»[4;278], — утверждает Страхов. Далее он указывает на аргументы, давшие ему основание для такого утверждения. Критик увидел сходство во внешней манере, в тоне и предмете рассказа. Но главное сходство, по его мнению, «во внутреннем духе обоих произведений». По определению Страхова, ни повесть Пушкина, ни роман Толстого не являются историческими произведениями. Даже исторические лица и у Пушкина (Пугачев, Екатерина), и у Толстого (Кутузов, Наполеон) являются «мельком в немногих сценах». Главное внимание Пушкин, например, концентрирует на хронике семейства Гриневых и Мироновых и исторические события описаны лишь в той мере, «в какой они прикасались к жизни этих простых людей». «Война и мир, — по убеждению Страхова, — это тоже некоторая семейная хроника: семейства Ростовых и семейства Болконских»[4;279].

Определяя род «Войны и мира», критик отталкивается от сравнения романа и «Капитанской дочки». «Это не роман вообще, не исторический роман, даже не историческая хроника; это — хроника семейная... Этот своеобразный род, которого нет в других словесностях и идея которого долго тревожила Пушкина. И, наконец, была осуществлена им...»[4;279]. Проникая в глубокие моменты сходства между произведениями двух писателей, Страхов особенно тщательно рассматривает «многозначительный» поворот в художественной деятельности Пушкина, без понимания которого не будет понятен полный смысл «Войны и мира». Страхов отмечает, что творчество Толстого, особенно его роман «Война и мир», это новый гигантский шаг в развитии русской литературы.

Все сказанное свидетельствует о том, что Страхов глубоко понимал творчество Толстого. Критик убедительно доказал, что творчество Толстого вытекает из переосмысления опыта предшественников, традиций, получивших развитие в творениях великого романиста, прежде всего тенденций, заложенных великим Пушкиным. Таким образом, «Война и мир» рассматривается Страховым в терминах и понятиях «органической критики» как «воплощение лучших преданий нашего художества», как развитие традиций, начало которых положено «Капитанской дочкой» Пушкина. Страхов не только ведет род толстовского романа-эпопеи от прозы Пушкина, но и утверждает, что «Война и мир» отвечает на те требования реализма, которые «так сильно участвовали в развитии нашей литературы после Пушкина»[4;288]. Значение этого заявления возрастает, если принять во внимание, что новаторство эпопеи и ее органические связи с русской литературной традицией не были сразу поняты и по достоинству не оценены литературной критикой той поры. Страхов принадлежал к тем немногочисленным критикам, которые настаивали на том, что великое творение Толстого — органический результат длительного развития русской литературы на путях реализма и народности.

Размышляя о бедности и несостоятельности современного литературного процесса, Страхов говорит следующее: «Если теперь иностранцы спросят у нас о нашей литературе, мы прямо укажем на „Войну и мир“, как на зрелый плод нашего литературного движения, как на произведение, перед которым мы сами преклоняемся, которое для нас дорого и важно не за неимением лучших, а потому, что оно принадлежит к самым лучшим созданиям поэзии, какие мы знаем и можем вообразить... Западные литературы в настоящее время не представляют ничего равного и даже ничего близко подходящего к тому, чем мы теперь обладаем»[4;387]. Критик завершает свой анализ взглядом на роман в исторической перспективе: «„Война и мир“ скоро станет настольною книгою каждого образованного русского, классическою книгою наших детей, предметом размышления и для юношей. С появлением великого произведения гр. Л.Н.Толстого наша поэзия опять займет подобающее ей место, сделается правильным и важным элементом воспитания, как в тесном смысле — воспитания подрастающего поколения, так и в обширном смысле — воспитания всего общества»[4;389].

С.А.Толстая отметила в своем дневнике, что Толстой, несмотря на незначительные несогласие со Страховым, очень внимательно читал его статьи и находил в них много верных и тонких наблюдений. «Это единственный человек, — говорил писатель, — который никогда не выдавши меня, так тонко понял меня»[2;342]. Статьи о «Войне и мире» стали началом сближения Страхова и Толстого. Впоследствии критик принимает участие в третьем издании романа (1873), ведет активную переписку с Толстым, рецензирует «Анну Каренину» и другие толстовские произведения. В автобиографии С.А.Толстая приводит слова мужа: «Лев Николаевич говорил, что

Страхов в своей критике придал „Войне и миру" то высокое значение, которое роман этот получил уже много позднее и на котором он и остановился навсегда»[2;236].

Таким образом, именно Страхов наиболее глубоко среди современников раскрыл эстетическое своеобразие и новаторство толстовской эпопеи. Как отметила Л.Я.Гинзбург в своей работе «Литература в поисках реальности»: «Рецензии на „Войну и мир" похожи сейчас на хулиганство. Никто (кроме Страхова) ничего не понял»[1;114]. Именно он отчетливо сказал коллегам-критикам: «„Война и мир" есть также превосходный пробный камень всякого критического и эстетического понимания, а вместе и жесткий камень преткновения для всякой глупости и всякого нахальства. Кажется, легко понять, что не „Войну и мир" будут ценить по вашим словам и мнениям, а вас будут судить по тому, что вы скажете о „Войне и мире"»[4;392]. Страхов был первым критиком, который заговорил о том, что действительно тенденций романа. Вот главная причина его успеха, результат которого, можно сказать, монографическое исследование о произведении, которое стало серьезным основанием для многих поколений литературоведов.

Литература

1. Гинзбург Л.Я. Литература в поисках реальности. – Л.: Сов Писатель, 1987. – 397 с.
2. Кузьминская Т.А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне: Воспоминания о Толстом. – Тула, 1976. – 342 с.
3. Скатов Н.Н. Литературные очерки.– М.: Современник, 1985.– 366 с.
4. Страхов Н.Н. Критические статьи об И.С.Тургеневе и Л.Н. Толстом. – Киев, 1901. – 484 с.

Аннотация

Ведерникова Т.В. Роман Л.Н.Толстого «Война и мир» в критическом осмыслении Н.Н.Страхова

Литературно-критические работы Н.Н.Страхова представляют интерес и как составная часть его творческого наследия, и как отдельная страница в истории русской литературной критики. Сам Л.Н.Толстой считал страховский анализ романа одним из самых глубоких, содержательных критических отзывов о «Войне и мире» и наиболее адекватной работой, соответствующей авторскому замыслу. В данной статье показана оригинальность подхода Н.Н.Страхова к творчеству Л.Н.Толстого, глубина его анализа в определении жанровой принадлежности (роман-эпопея), философского понимания истории писателем, реалистических тенденций произведения, его истинного смысла, закономерной связи с творчеством Пушкина, общественных и эстетических позиций автора, а также масштабность сделанных выводов, приблизившие страховский разбор романа «Война и мир» к его современному прочтению.

Ключевые слова: литературная критика, авторский замысел, реализм, жанр, роман-эпопея, философия истории, истинный смысл, эстетические принципы, современное прочтение.

Анотація

Ведернікова Т.В. Роман Л.М.Толстого «Війна і мир» у критичному осмисленні М.М.Страхова.

Літературно-критичні праці М.М.Страхова є цікавими і як складова частина його творчої спадщини, і як окрема сторінка російської літературної критики. Сам Л.М.Толстой вважав аналіз Страхова одним з найбільш вагомих, адекватних та обґрунтованих критичних відгуків та оцінок роману «Війна і мир», відповідно до авторського задуму. У статті висвітлюється оригінальність підходу критика до творчості Л.Н.Толстого, глибина його критичного аналізу при визначенні жанрової приналежності (роман-епопея), філософського тлумачення історії письменником, реалістичних тенденцій твору, його істинного сенсу, обґрунтованого зв'язку з творчістю Пушкіна, суспільних та естетичних позицій письменника та масштабність зроблених висновків, що суттєво наближують страховську оцінку роману «Війна і мир» до його сучасного розуміння та сприйняття.

Ключові слова: літературна критика, авторський задум, реалізм, жанр, роман-епопея, філософія історії, істинний сенс, естетичні принципи, сучасне сприйняття.

Annotation

Vedernikova T.V. Tolstoy's novel «War and Peace» in Strakhov's critical evaluation.

The critical and literary works by N.N.Strakhov are interesting as a composite part of his creative heritage, and as a separate page of the history of Russian literary critique. Moreover, L.N.Tolstoy considered Strakhov's analysis of novel «War and Peace» to be one of the most complex, fundamental, substantial and adequate critical work which corresponds to the main author's idea. The article reflects Strakhov's eccentric manner to Tolstoy's creative activity, the depths of his analysis in genre determination (epic novel), author's philosophical interpretation of history, realistic tendencies of the novel, its true sense, regular bond with Pushkin's creative work, social and aesthetic author's principles, the scale of the drawn conclusions and other distinctive features which made Strakhov's critical assessment of the novel closely related to the contemporary comprehension of this creative work.

Key words: literary critique, author's main idea, realism, genre, epic novel, philosophy of history, true sense, aesthetic principles, contemporary comprehension.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати доктором филологических наук, профессором Фризманом Л.Г.